

**ОБ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АЛЛЮЗИИ:
УРОКИ ЖИЗНИ И «ЮНОСТЬ» ДЖОЗЕФА КОНРАДА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
РОМАНА ИЭНА МАКЬЮЭНА «УПРАЖНЕНИЯ»**

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

bproskurnin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Статья поступила в редакцию 23.07.2025

Статья – обращение к семнадцатому роману крупнейшего современного английского писателя, биографическому по жанру и дискурсу. В нем И. Макьюэн создает своеобразную социопсихологическую и интроспективную эпопею послевоенного поколения. В статье анализируется характер, роль и значение в художественном мире этого романа И. Макьюэна литературной аллюзии на повесть Джозефа Конрада «Юность». Подчеркивается нарочито выстраиваемая писателем ироническая контрастная параллель героико-романтической истории, рассказанной в повести капитаном Марлоу, и истории все более склоняющейся к заурядности судьбы главного героя романа как представителя поколения – ровесников писателя.

Ключевые слова: Джозеф Конрад, литературная аллюзия, биографический роман, биографический дискурс, несобственно авторская речь, современный английский роман.

«Упражнения» (*Lessons*, 2022) – семнадцатый роман одного из ведущих английских писателей Иэна Макьюэна (*Ian McEwan*, 1948 г.р.). Это самое объемное его произведение, и критики говорят о нем как о романе на сегодня итоговом для писателя. Интересно, что и по сюжету «Упражнения» – это роман об итогах жизни главного персонажа, из перспективы которого ведется повествование. Не зря по-английски роман называется – в дословном переводе – «Уроки», то есть речь идет об уроках жизни, а значит и об их осмыслении. Причем итоги жизни главного героя подводятся в романе по крайней мере дважды: практически в середине жизненного пути героя, и он делает это сам, хотя голос героя по-

дается через несобственно-прямую речь, и в конце романа; правда, итожить во втором случае «должен» уже вдумчивый читатель, сюжетно «подталкиваемый» автором к этому практически завершающей основное действие романа параллелью жизненных траекторий героя и его бывшей жены, в свое время бросившей его с семимесячным сыном ради писательской карьеры. Этот момент, с одной стороны, начинает новый этап жизни героя и собственно сюжетное действие, а с другой – заставляет его внимательнее посмотреть на свою жизнь до ухода жены, чтобы понять, где он, что он, как и куда двигаться дальше. И именно здесь Макьюэн прибегает к любопытной литературной аллюзии, которая помогает понять основной замысел писателя и аксиологический смысл всего произведения и о которой пойдет речь в статье.

По типу сюжетостроения «Упражнения» – роман биографический: перед нами предстает история жизни героя по имени Роланд Бейнс от раннего детства и до его 74 лет, то есть от его рождения в 1947 г. до пандемии 2020–2021 гг. И дискурс в романе биографический, где акцентирован свойственный такому типу повествования субъективный синкретизм: благодаря ему вымысел становится способом синтезировать жизненный путь выдуманного героя и историческое время; более того, время историческое подается исключительно пропущенным через внутренний мир героя. Потому повествование в романе движется одновременно (и доминантно) по жизни героя и по вектору мировой истории от послевоенного времени, а если иметь в виду пересказанную героем при помощи несобственно-прямой речи историю жизни его родителей и родителей его сбежавшей жены Алисы, то оно движется от довоенного времени практически до года выхода романа в свет. История частной жизни Роланда и рассказ об истории всемирной сюжетно и повествовательно «организованы» почти по-прустовски, т. е. причудливо ассоциативно и по принципу «что, когда и как вспомнилось»: не случайно герой называет свои воспоминания «мозаикой» [Макьюэн 2024: 184], а автор, характеризуя манеру письма Алисы-писательницы как «солипсически-ассоциативную» [Макьюэн 2024: 275], на самом деле имеет в виду способ анализа-реконструкции Роландом собственной жизни. Эта «реконструкция» движется не просто параллельно большой истории, а даже как-то отъединенно от нее: «Радиоприемник на кухне, который все эти дни бормотал вполголоса, иногда тихим мужским голосом сообщая что-то важное, пытаюсь снова завлечь к себе. А он старательно его игнорировал, шагая мимо с ведром и шваброй в руке» [Макьюэн 2024: 35]. Эта параллельность принципиальна в силу замкнутости героя в приватном бытии отца-одиночки и порою кажущейся нарочитой отстраненности от большой истории, которая в лучшем случае становится фоном частной

жизни героя, оттеняя ее или контрастируя с нею. Макьюэн рисует судьбу представителя «поколения бейби-бумеров» (по терминологии Н. Хоу и У. Штрауса), то есть послевоенного поколения, к которому принадлежит сам и которому, по его словам, «посчастливилось возлечь на ласковых коленях истории, упиваться удачным периодом мирного времени, съесть все лакомые кусочки» [Макьюэн 2024: 122]. (“His generation was also more fortunate than the one that followed. His lot lolled on history’s aproned lap, nestling in a little fold of time, eating all the cream” [McEwan 2022: 128]). Поколение его героя, полагает Макьюэн, изнежено и избаловано историей и привыкло надеяться на счастливый жребий: не случайно самой понравившейся герою на концерте Боба Дилана стала песня «Выверт судьбы» (*Simple Twist of Fate*) (см.[Макьюэн 2024: 202; McEwan 2022: 214]).

В первых главах романа с высоты своего тридцатисемилетнего возраста герой ретроспективно смотрит на себя двенадцатилетнего и пытается вспомнить события тех лет, но большей частью – восстановить свои эмоции, чувства, мысли и меру видения мира вокруг. А после он ментально «движется» по вектору своего биографического времени, доводя повествование до наших дней. Такое сюжетно-повествовательное построение романа не ново в английской литературе, достаточно вспомнить классику: «Большие надежды» Ч. Диккенса с его двойной ретроспективной повествователя Филипа Пиррипа – «тогда и теперь». Правда, в диккенсовском романе она выстраивается Я-повествователем, а большая история вовсе «не звучит». В романе Макьюэна, формально организованном как повествование от третьего лица, голос героя виртуозно вплетен и доминирует, как уже отмечалось, в потоке несобственно-прямой речи, весьма искусно окрашенной авторской иронией. При этом подчеркнем, что ирония не столь очевидно дистанцирует автора и героя в этом романе, как это было в некоторых предшествующих произведениях Макьюэна – «Амстердаме», например, или «Искуплении»: главный герой этого романа – ровесник автора и близок ему своими детскими страхами, подростковыми фобиями и до болезненности откровенной аналитикой взрослого человека. Об автобиографических началах сюжета романа писали многие критики: см. [Charles 2022], [Massie 2022], [Gordon 2022]. Подобная диккенсовской двойная ретроспектива позволяет читателю романа Макьюэна быть одновременно и внутри потока самооценки и самопознания героя, и снаружи, что по-особому окрашивает общую социопсихологическую аналитичность романа. Как известно, благодаря несобственно-прямой речи, в повествовании соединяются два голоса: героя и рассказчика (в данном случае автора), а это, в свою очередь, позволяет функционировать в художественном целом

романа двойной аксиологии: самого героя – по поводу тех ценностей, которые руководили им на разных этапах жизни, и авторской, в основном иронической – в связи с контрастом между возможностями, которые жизнь открывала перед героем, и той судьбою, которая у него в итоге сложилась.

Отметим, что сюжетно роман Макьюэна построен как постоянный взгляд главного героя Роланда Бейнса на себя со стороны: самопознание, как известно, одна из сюжетно-повествовательных констант в истории английского романа, вспомним вновь «Большие надежды» и «Дэвида Копперфилда» Диккенса или «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Историю Генри Эсмонда» У. М. Теккерея, «Возвращение в Брайдсхед» И. Во, «Водоземье» Гр. Свифта или «Записки Рэйчел» М. Эмиса, как бы поразному ни было организовано в них повествование. Кроме того, нельзя не заметить, что Макьюэн обращается еще к одному сюжетно-повествовательному «модулю», весьма популярному в современной британской (и не только!) литературе, – модулю психологической травмы и ее влияния на жизнь героя: Роланд, начиная с момента бегства Алисы, вел иногда им рефлекслируемый, но чаще всего подсознательный и невербализованный спор с нею и с обстоятельствами, созданными ее уходом из семьи. Совершенный ради желания стать писательницей побег жены нанес Роланду душевную травму и поселил в нем вначале скрытую, а в финале романа во время встречи с нею в ее баварском доме, когда им обоим за семьдесят, уже не скрываемую соревновательность¹.

Все названные выше особенности сюжетно-повествовательной организации романа могут стать предметом специального рассмотрения; в этой же статье мы обратимся к одному весьма любопытному моменту в развитии сюжета «подведения итогов» в анализируемом произведении Макьюэна.

Первый опыт подведения итогов жизни, который в романе одновременно и начальный (с точки зрения сюжета) и промежуточный (с точки зрения прочерченного в романе жизненного пути героя) связан с его обращением в начале четвертой главы первой части романа к знаменитой повести Джозефа Конрада «Юность» (*Youth*, 1898; первая книжная публикация – 1902 г.).

После побега жены, оставшись один с младенцем-сыном, Роланд, начинающий новый этап своей жизни, решает навести «порядок на заставленных книгами полках вокруг стола рядом с кухней» [Макьюэн 2024: 126] и обнаруживает не возвращенную в 1963 г. в библиотеку и позабытую им книгу Джозефа Конрада «Юность и две повести» 1933 г. издания. Автор сообщает, что «Роланд обрадовался этой находке» и что

«ему нравилась «Юность», когда он читал ее в четырнадцать лет», а тогда «ему мало что вообще хотелось читать». Бросив все дела и «держа книгу обеими руками, точно молитвенник, и открыв ее на первой странице, он присел на кухонный стул и сидел, не шевелясь», в течение часа» [Макьюэн 2024: 127]. И далее И. Макьюэн весьма подробно пересказывает сюжет повести, видимо, не надеясь, что читатели романа хорошо помнят это произведение Дж. Конрада.

Как известно, в повести Конрада «Юность» пятеро «морских волков», отдавших морю немало дней своей жизни, собираются вместе, чтобы ностальгически вспомнить ушедшую юность. В повести Дж. Конрад еще раз демонстрирует, насколько глубоко любовь к морю вошла в природу англичан, став неотъемлемой чертой национального характера. Основным рассказчиком в повести становится Чарльз Марлоу, один из частых рассказчиков у Конрада (вспомним его романы «Лорд Джим», «Сердце тьмы», «Шанс»). На момент рассказа о событиях, лежащих в основе сюжета «Юности», Марлоу, как и остальные четверо, уже весьма зрелый человек. Рассказ Марлоу, обрамленный словами анонимного рассказчика (одного из пятерых), за которым легко угадывается автор, – это драматическое повествование о долгом и мучительном плавании судна, где молодой шкипер, грезивший дальними морями Востока, был первым помощником капитана. В конечном счете, повесть становится воспоминанием о времени становления и закалки характеров, стремлении во что бы то ни стало преодолевать препятствия, двигаться вперед, упорно борясь за осуществление своей мечты. Это рассказ об инициации, о вхождении молодого человека в настоящую морскую (а также во взрослую) жизнь в условиях тяжелейших, не столько физических, сколько моральных, испытаний.

Представляется неслучайным появление в романе Макьюэна аллюзии на «Юность» Конрада в свете рассуждений повествователя «Уроков» о поколении бейби-бумеров, нежившемся на коленях истории без войн, потрясений, серьезных испытаний, и концепции героя, чья частная жизнь – по воле автора – нарочито параллельна большой жизни и ее событиям, череду которых выстраивает Макьюэн: падение монархии в Ливии, где на английской военной базе служил отец героя, и приход к власти полковника Каддафи, Карибский кризис, распад социалистического лагеря, крах Берлинской стены, объединение Германии, Чернобыльская катастрофа, «тэтчеризм», «блэйеризм», первое президентство Трампа, штурм Капитолия в январе 2020 г., ковид и пандемия. К моменту, когда герой находит в своей домашней библиотеке «Юность» Конрада, большая часть этих общемировых событий еще впереди, но это не так уж и важно, поскольку повесть Конрада и ее пафос задают

общую шкалу ценностных ориентиров в романе И. Макьюэна. Ведь не случайно И. Макьюэн подчеркивает, что Роланд держит книгу Конрада «обеими руками, точно *молитвенник*» (“With the book in both hands, *prayer-like*” [McEwan 2022: 134] (выд. мною. – Б.П.). Иначе говоря, жизнь Марлоу, его мужественность, стойкость в стремлении к цели и ощущение не зря прожитой жизни, начало которой было таким трудным, вызывает неподдельные восхищение у Роланда, но также и пробуждает в нем внутреннюю тревогу. В романе И. Макьюэна читаем: «Марлоу в начале повести заметил, что это плавание произошло двадцать два года назад, когда ему было двадцать. Это значит, что, когда Марлоу рассказывает все это своим друзьям, чьи лица изборозжены морщинами, отмечены печатью труда, и у них печальные глаза, ему сорок два. Уже старик? Роланду сейчас тридцать семь. Старость с ее сожалениями, исчезнувшая юность и отвергнутые надежды – до всего этого ему уже рукой подать» [Макьюэн 2024: 129]. Конечно, писатель здесь ироничен: герою до старости еще далеко. Но примечательна строгость, с которой Роланд оценивает весьма печальные итоги своей жизни на тридцатисемилетнем ее этапе, почти равной по продолжительности жизни героя Конрада. Роланд узнает из заметок от автора в конце повести, что она «была “изложением реального опыта, но этот опыт со всеми фактами, со всем его внутренним и внешним колоритом начинается и кончается во мне”» и задается самокритичным вопросом, а что он, Роланд «имел такого, что заканчивалось в нем?» [Макьюэн 2024: 129]. Прямого ответа на этот вопрос нет, его риторичность очевидна в дальнейших размышлениях героя над страницами повести Конрада, а по большому счету – в ходе всего дальнейшего повествования. Например, уже явно саркастическая параллель морским испытаниям Марлоу, так мощно описанным в повести, – это воспоминания Роланда Бейнса, возникшие у него после прочтения газетной вырезки, кем-то заложенной в книгу Конрада и выпавшей из нее, с излишне хвалебной статьей о школе, в которой он учился. Он вдруг вспоминает о плавании на небольшом паруснике по реке Оруэлл, на которой была расположена школа, и как он «боролся» с мачтой и парусом под яростную брань его товарища, и в свете конрадовской повести все это теперь кажется ему «лишь забавной игрой в жизнь» [Макьюэн 2024: 130]. Еще большей эта ирония становится тогда, когда Бейнс вспоминает, как он опрокинулся как-то в лодке на этой реке, и она, издалека переливавшаяся «приятной синевой», на самом деле «оказалась сточной канавой» [Макьюэн 2024 130].

Хорошо известно, что герои Дж. Конрада «постоянно находятся в нравственной борьбе, действие разворачивается вокруг одного события или происшествия, постоянно возвращаясь к нему, герои «копаются» в

себе, занимаются самоистязанием. Они одиноки, но могут иметь «двойника», они могут быть рассказчиком, наблюдателем и участником событий одновременно» [Сафарова 2022: 726]. Очевидно, что И. Макьюэн в этой ситуации рисует своего героя по типу конрадовского, хотя и явно иронически: Бейнс подается в ситуации самооценки и даже самокритики, когда сомневается в том, есть ли в нем тот самый «внутренний колорит», то есть самобытность, оригинальность, что-то такое, что отличает его от других, а главное – способность не плыть по течению жизни, а самому делать свою жизнь. В романе читаем: «Если бы он пил, это могло бы стать поводом плеснуть себе в стакан виски и поразмыслить над чередой прожитых лет. Марлоу представил себя как прошедшего более половины земного пути². Роланду оставалось недолго до такого же рубежа. Дожив до тридцати с лишком, уже можно задавать себе вопрос, что ты за человек» [Макьюэн 2024: 130]. Герой строго обращается к самому себе: «Ты, конечно, уже заметил в своем теле ранние приметы смерти. Нельзя терять времени. Теперь тебе нужно сформировать в себе личность, отдельную и отличную от других, чтобы судить о себе самому» [Макьюэн 2024: 130]. Это призыв выглядит явно запоздало и ничего, кроме грустной улыбки, у читателя, уже знающего, что в свои тридцать семь Роланд, будучи одаренным музыкально, так и не стал выдающимся пианистом, обладая большими поэтическими талантами, не стал большим поэтом, как не оправдал и заложенные в нем таланты большого теннисиста. Тут трудно не согласиться с одним из критиков, который полагает, что герой романа «плывет по течению так и не выбранной жизни» [Silcox 2022]. Роланд, на короткое время вдохновившись повестью Конрада и устыдившись никчемности своих жизненных испытаний на фоне трудностей героя «Юности», оказывается обреченным быть только «талантливым» отцом-одиночкой, кем он и станет в конце концов, отдав всего себя воспитанию сына. Это будет главное достижение героя, нивелируемое автором постоянно иронией и скрытой насмешкой над этим «бэйби-бумером». Думается, права Молли Янг, которая в рецензии на роман задается вопросом, не создал ли И. Макьюэн своего рода эпопею посредственности (см. [Young 2022]), да и Сэм Сакс тоже имеет право утверждать, что И. Макьюэн создал весьма жизненного и даже симпатичного, но «потерянного протагониста» и наделил его «бесформенным существованием» (shapeless existence) [Sacks 2022].

Повесть Конрада заканчивается так: «Ах, доброе старое время... Доброе старое время... Юность и море! Чары и море! <...> Что же чудеснее – море, само море, или, может быть юность? Кто знает?». А «рабочий» рассказчик в повести отмечает: «...все мы кивнули ему через стол, который, словно неподвижная полоса темной воды, отражал наши

лица, изборожденные морщинами, лица, отмеченные печатью труда, разочарований, успеха, любви; отражал наши усталые глаза; они глядят пристально, они глядят тревожно, они всматриваются во что-то за пределами жизни – в то, что прошло, и чего все еще ждешь, – прошло невидимое, во вздохе, вспышке – вместе с юностью, силой, романтикой грез...» [Конрад 1959: 86]. Вряд ли герой «Уроков» способен и имеет право на подобные итоги жизни.

«Случайная» находка героем этого романа И. Макьюэна «Юности» Дж. Конрада, содержание и характер его рефлексии над повестью и по ее поводу в момент, когда он «земную жизнь прошел до середины», оттеняют те жизненные поражения, которые он уже потерпел, еще больше подчеркивают его неспособность «плыть против течения», отсутствие внутреннего стержня. А с другой стороны, откровенное и искренне осознание Роландом своего несовпадения с героем «Юности» и собственной «срединности» не дают права безоговорочно говорить о нем как об антигерое. Перед нами герой своего времени, квинтэссенция авторской оценки своего поколения.

Примечания

¹ Нельзя не вспомнить еще об одной психологической травме, пульсацию которой во внутреннем мире Роланда Бейнса актуализировал побег жены, а именно – совращение его, четырнадцатилетнего мальчика, учительницей музыки в школе-пансионе; об этой травме чаще и больше всего говорят критики; однако в контексте нашего разговора в этой статье она не столь важна.

² Здесь нельзя не отметить аллюзию на знаменитое начало «Божественной Комедии» Данте с ее лирическим героем, переживающим глубокий нравственный кризис и выходящий из него благодаря Любви и глубокому познанию жизни, ее добра и зла. И действительно, к этому моменту Роланд прожил 37 лет, то есть ровно половину своей «сюжетной жизни»: роман завершается, когда герою 74 года.

Список литературы

Конрад Дж. Юность (повесть) / Пер. с англ. А.В.Кривцовой // Конрад Дж. Избранное в двух томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 51–86.

Макьюэн И. Уроки / пер. с англ. О.Алякринского. М.: Эксмо, 2024. 544 с.

Сафарова З. А.-Г. Значимость «человеческого фактора» в произведениях Джозефа Конрада // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 3. С. 726–730.

Charles R. Sexual Abuse Casts a Long Shadow in Ian McEwan's 'Lessons' // The Washington Post. September, 20, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/books/2022/09/20/ian-mcewan-lessons-review/> (last accessed: 03.03.2025).

Gordon E. Events and Accidents // The Times Literary Supplement. September, 9, 2022. URL: <https://avxhome.se/magazines/The-Times-Literary-Supplement-09-September-2022-28054123.html> (last accessed: 23.03.2025).

McEwan I. Lessons. New York: Alfred A. Knopf, 2022 // [https://ocean-ofpdf.com/authors/ian-mcewan/pdf-epub-lessons-by-ian-mcewan-download-\(last accessed: 20.06.2025\).](https://ocean-ofpdf.com/authors/ian-mcewan/pdf-epub-lessons-by-ian-mcewan-download-(last-accessed:20.06.2025).)

Sacks S. 'Lessons' by Ian McEwan // The Wall Street Journal. September, 9, 2022. URL: <https://www.wsj.com/arts-culture/books/fiction-book-review-lessons-by-ian-mcewan-11662728751> (last accessed: 13.03.2025).

Silcox B. Life-and-Times Epic of a Feckless Boomer // The Guardian. Wednesday. September, 7, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/books/2022/sep/07/lessons-by-ian-mcewan-review-life-and-times-epic-of-a-feckless-boomer> (last accessed: 20.05.2025).

Young M. Ian McEwan Returns with a Tale of Adolescent Lust and Adult Lascivitude // The New York Times. September, 13, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/13/books/review/ian-mcewan-lessons.html?ysclid=mfc1q6rxp2345020601> (last accessed: 04.06.2025).

**ON ONE LITERARY ALLUSION:
JOSEPH CONRAD'S *YOUTH*
AND LIFE LESSONS IN THE ARTISTIC WORLD
OF IAN MCEWAN'S NOVEL *LESSONS***

Boris M. Proskurnin

Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature and Culture,
Perm State University,

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

bproskurnin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Submitted 23.07.2025

The article is an appeal to the seventeenth novel by the largest modern English writer, biographical in genre and discourse. In it, Ian McEwan creates a kind of socio-psychological and introspective epic of the post-war generation. The article analyzes a literary allusion to Joseph Conrad's novella *Youth*, its character, role and significance in the artistic world of this novel. The author of the article emphasizes the ironic contrasting parallel of the heroic-romantic story told by Captain Marlow in the novel, which is deliberately built by the writer, and the increasingly mediocre fate of the novel's protagonist as a representative of the writer's generation of peers.

Key words: Joseph Conrad, literary allusion, biographical novel, biographical discourse, indirect speech, contemporary English novel.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М. Об одной литературной аллюзии: уроки жизни и «Юность» Джозефа Конрада в художественном мире романа Иэна Макьюэна «Упражнения» // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 20 (26). С. 83–92. doi 10.17072/2304-909X-2025-20-83-92

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. Ob odnoy literaturnoy allyuzii: uroki zhizni i «Yunost» Dzhozefa Konrada v khudozhestvennom mire romana Iena Makyuyena «Uprazhneniya» [On one Literary Allusion: Joseph Conrad's *Youth* and Life Lessons in the Artistic World of Ian McEwan's Novel *Lessons*]. Mirovaya literatura v kontekste kultury [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 20 (26), pp. 83–92. doi 10.17072/2304-909X-2025-20-83-92